

Гадеева

ПРОШЛОЕ – КАК ФЕНОМЕН ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Прошлое – как феномен культурно-исторической памяти, с его мифами – символическими структурами, хранимо сознанием, словно бесценный коррелят, без которого ни настоящее, ни будущее невозможно, - в нем залог необходимой «глубины проникновения».

Называя мир окостенением, Гегель считал войну условием, позволяющим серьезно воспринимать суть преходящих благ и вещей. Значит период, в который общество будет испытывать неуверенность колебаться и жить надеждами, и есть время переосмысления, необходимое для морального здоровья нации.

Многие ученые и политики считают, что военная сила и насилие утратили свою эффективность. Убежден: сравнительно мирная вторая половина XX столетия – это прежде всего реакция на ужасную, общую для человечества катастрофу первой половины, а потом уже на атомную бомбу. Демилитаризация сознания - еще одно условие мира в общей демилитаризации. Милитаризованная политика разрушает саму политику, расстилает дорогу войне. Столь присущее 30-м годам XX века упоение военным могуществом прочно и абсолютно деструктивно. Авторитет и величие государств определяют не горы оружия и даже не его качество, но отношение к человеку и его жизни

В контексте современности эти истинны прямо вытекают из трагического опыта 30-х годов XX века и возникновения второй мировой войны. Чтобы уроки были усвоены, нужно согласится: если вести речь о войнах такого масштаба, как та, которая началась более 60-ти лет назад, - человечество отвоевалось. Хотя столь категорично говорить, исходя из последних событий в Афганистане, Иране, Чечне сложно.

Утром 3 сентября к Гитлеру прибыл британский посол и от имени своего правительства заявил: если вторгшиеся в Польшу войска не будут выведены, то с 11 часов между Англией и Германией начнется состояние войны. Через полтора часа аналогичное заявление сделала Франция. «Если мы проиграем эту войну, то да хранит нас небо», - прошептал Геринг, присутствовавший при этой сцене в рейхсканцелярии. Одно за другим большие и малые государства вступали в войну, которая стала второй - вероятно, последней - мировой войной.

Если оставить в стороне детали, со временем уходящие в тень, зададимся вопросом, что же привело к этой всемирной катастрофе?

ВОЙНА возникла из антиинтеллектуализма, античеловечности и политической аморальности той эпохи. Сегодня, в свете всего опыта XX века, мы особо подчеркиваем это феномен. Первая мировая война, крах империй, серия кровавых гражданских войн, голод, «военный коммунизм», жесточайшие репрессии, тоталитаризм в разных формах, экономические кризисы, обесценивание жизни, растаптывание личности, попрание вековых норм нравственности - все это вместили три десятилетия века. Гитлер: «Не существует никакой морали в международных делах, каждый хватает, что может». Это была отнюдь не только германо-фашистская логика. В первой половине столетия люди уничтожили 100 миллионов себе подобных.²

Царило кровавое безумие. Фашистский геноцид. Террор захватчиков в Китае, «Генеральный план ОСТ» - программа выселения и истребления 30 миллионов советских людей. Новое понятие XX века: «обезлюдивание пространства». Гитлер: «Чтобы спасти нацию, нужен диктатор с железным кулаком, который будет готов маршировать вперед через поля крови и трупов». Так думал не он один, но не все выражались столь ясно. Сталинизм и миллионы репрессированных. «Раскрестьянивание», которое более всего подорвало нашу преимущественно крестьянскую армию и подготовило трагедию 1941 года.

Разгром военных кадров перед войной. Потрясающий зигзаг истории, через 150 лет после Великой французской революции с ее лозунгами «свободы, равенства, братства», через два десятилетия после Октября и «Прав трудящегося и эксплуатируемого народа» над Европой и Азией опускается мрак террора. Взрывы шовинизма, расизма из фашистского эпицентра волнами расходились по разным странам. Крайности века: взлет технологии и «черная дыра» политической морали.

Мировая война, кроме всего иного, - итог именно этой психологической атмосферы антиинтеллектуальности, безнравственности, террора первых десятилетий века. Действующие лица были создателями этой истории и ее детьми. Не утверждаю, что здесь главная причина войны. Но убежден: когда происходит тотальное попрание политической морали, общественные катастрофы неизбежны.

Мы не можем не видеть, далее, что взрыв 1939 года произошел также из-за политической малокомпетентности, обскурантизма, посредственности и догматизма стоявших у власти государственных лидеров 30-х годов. По сути, пусть в разной мере, но почти всех! Тайный комплекс неполноценности, вытекающий из несостоятельности вождей и из нереализуемости декларируемых ими проектов, породил особую агрессивность власти. «Богочеловеки», уверяя, что владеют абсолютной истиной, должны были легко переустроить не только свой народ, но и весь непутевый мир. Мир, однако, не спешил переустраиваться, ибо был совсем иным и не собирался подчиняться идее некоего «нового порядка». Да и со «светлым будущим» и «чистотой марксизма», главными заботами коммунистических вождей, дело обстояло крайне плохо. Итогом «созидательной» деятельности диктаторов в разных концах континента стали гражданские войны и мировая война, уничтожение миллионов «неарийцев», эксплуататоров и прочих врагов народа. Режимы кaudильо, фюреров и вождей на некоторое время, хотя, в историческом масштабе, совсем ненадолго, стали в Европе господствующими (вычетом Великобритании с Ирландией, да Швецию со Швейцарией).

Тотальная человеческая селекция первой половины века. Они мыслили категориями доиндустриаль-

ной эры. Все еще думали, что насилием можно изменить мир. Делить Европу, как в прошлом, на «сферы интересов». Вместо объединения против угрозы фашизма они вели архаичную дипломатию талейрано-меттерниховского стиля. Интриги, попытки тайных сговоров, секретные протоколы, намерения загнать другого в угол, обманы - тусклая политическая сцена того времени.

Фашистские инициаторы войны верили, что в этом ставшем, по выражению Литвинова, неделимым мире следует отделять друг от друга великие государства, поочередно сокрушать их, а затем перекроить мир по своим нелепым схемам. «Все, что я делаю, направлено против России», - повторял Гитлер, и без понимания этой формулы нельзя осознать всю его политическую стратегию перед войной.³

Нацисты считали, что путем войны можно выйти из экономического кризиса, завоевать Европу от Атлантики до Урала, сделать Советский Союз, Польшу, Югославию, Прибалтику колонией рабов, истребить целые народы, а самим стать всемирной военной державой. Итальянский фашизм надеялся силой оружия воссоздать великую Римскую империю античных времен. Японский экстремизм приступил к насильственному возведению азиатско-тихоокеанской державы. Сталин считал возможным «выступить последним» при столкновении империалистов, чтобы «бросить на чашу весов решающий вес». Мы удивляемся ныне архаизмам реаниматоров старой имперской политической философии. Но, чтобы доказать их утопичность, было пролито море крови.

Символами политической малокомпетентности в 30-е годы были попытки войти в союз с Гитлером против других, играть в бесплодные игры с преступниками и агрессором. Через этот постыдный этап дипломатии прошли в 30-е годы, по сути, все лидеры основных стран Европы, ничего не добившись, кроме самообмана, оставив для истории еще одно доказательство вреда политического цинизма.

Высшие надежды Чемберлена - сохранить слабевшую британскую империю ценой умиротворения Гитлера и ориентации его агрессии на Восток - были столь же утопичны, как и расчеты Парижа аналогичными средствами предотвратить новое тевтонское вторжение на свою землю.

Предложенную СССР политику коллективной безопасности отвергли Консерваторы Лондона и Парижа надеялись создать вместе с Гитлером и Муссолини «союз четырех». Вплоть до осени 1938 года западные соглашатели играли в гитлеровскую игру с наивной надеждой остаться вне войны или даже навлечь ее на других.

Мюнхенский договор с фашизмом они считали вершиной политического успеха. Британский премьер говорил: «Гитлер является надежным человеком, и когда он получил Судетскую область, то навсегда оставит Европу в покое». Или: «Гитлер - человек, на слово которого можно положиться». Вернувшись из мюнхенской Каноссы, он изрек знаменитое. «Я привез мир для целого поколения».

Через десять месяцев Гитлер начал войну.

Ну а вскоре за захватом власти и ее определенным укреплением, на западе Европы наступил ее «блиц»-крах. Нечаянное многими падение тоталитаризма в значительной степени обусловлено развязанной им Второй мировой войной, приведшей систему к саморазрушению. В той или иной мере в войне участвовали десятки государств, но главная схватка происходила, несомненно, между Германией и Советским Союзом, между Сталиным и Гитлером⁴. Сразу же отмечу, что Отечественная война для реальных участников сражений и государственно-политических руководителей в нашей стране имела очень разный смысл. Если бы закрывшему собственным телом вражеский пулемет Александру Матросову кто-то стал рассказывать о секретном приложении к пакту Молотова - Риббентропа и, тем более, о некоей операции «Ледокол», описанной В.Суворовым, тот бы просто не понял, о чем идет речь. Народ встал на защиту собственной страны, люди, в буквальном смысле слова защищали своих близких, себя, свои дома и к этому нечего добавить. Что же касается руководителей воюющих государств, там разворачивалась совсем иная, крайне сложная и до конца не распутанная идейно-политическая интрига.

Сталин объявлял капиталистическую систему хозяйства «несостоятельной». Он отделил СССР крепостной стеной от всего мира, убедил себя и других, что это одинокий остров в океане врагов. Создав громадный военный аппарат, превышающий любые разумные нормы, и одновременно обезглавив его, он считал: если агрессор на нас нападет, то мы победим его быстро и малой кровью - также и потому, что пролетарии капиталистических стран немедленно встанут на нашу защиту. «Буржуазия может не сомневаться, что многочисленные друзья рабочего класса СССР в Европе и Азии постараются ударить в тыл своим угнетателям, которые затеяли преступную войну против отечества рабочих всех стран». Война с Финляндией охладила этот классовый пыл, но даже в июне 1941 года не исчезло ожидание выступлений германского пролетариата в нашу защиту.

Сегодня особенно очевидна тяжкая цена этих ошибок, как и печально знаменитых договоров: о ненападении с секретным протоколом о разделе «сфер интересов» (23 августа 1939 года) и о дружбе и границе (23 сентября), заключенных Сталиным с нацистской Германией. Эти договоры выросли из глубин политической философии 20-30-х годов. «Дело здесь не в фашизме», - говорил Сталин, считавший целесообразным союз с Германией независимо от режима и питавший глубокое недоверие к Англии и Франции, хотя на некоторых этапах он и надеялся создать совместно с ними систему коллективной безопасности. «Молодец», - говорил он о Гитлере. «Я знаю, как любит немецкий народ своего фюрера», - провозгласил от тост в ночь на 24 августа. «Сталина надо, безусловно, уважать. Он в своем роде гениальный парень», - восхищался Гитлер, сравнивая его с Чингизханом, которого тоже уважал. «Мир у меня в кармане», - воскликнул он после заключения договора 23 августа. В движении сторон к этому договору была своя логика тоталитаризма с элементами острых опасений Сталина за безопасность, с надеждами остаться вне схватки

- пусть она происходит в их «лагере». Страшный шок, испытанный Сталиным в июне 1941 года, был прежде всего следствием осознания краха собственной долговременной политической философии него последствий. Несмотря на временные тактические выгоды и создание «предполя», договоры эти в широком плане нанесли советским людям тяжкий политический, моральный и военный урон. Они лишь подтвердили, что попытки добиться в XX столетии политических выгод за счет имперского порядка раньше или позже мстят жестоко.

ВТОРАЯ мировая война возникла, далее, из тоталитаризма и антидемократизма. Ответственнейшие политические решения о войне и мире, принимаемые единолично диктаторами, элитарными группами, или пусть даже лидерами парламентских демократий, навязывающими свои убеждения большинству, узаконивали политический догматизм и безальтернативность, «Никогда не уступать, никогда не капитулировать», - говорил Гитлер.

Тоталитаризм того времени - это фашизм в германской либо итальянской, испанской и других формах, произвол больших и малых «вождей» в разных странах, автократия; это «сталинская модель социализма», командно-административная система, пропаганда неизбежности войн и так далее. Катастрофа вырвалась также из этой среды.» Несправедливость, насилие, наглость, дух отмщения пропитали саму почву Европы», - писал мэтр британской дипломатии Ллойд Джордж.

Мир в представлении тоталитарных режимов видится только краткой передышкой между войнами. Громадные бюрократизированные военные машины затопляли консерватизмом своих политических установок массовое сознание. Милитаристское хвастовство, упоение всеилием насилия лишало эти режимы трезвости в понимании новых соотношений между миром и войной. «Красные артиллеристы силой своих снарядов вырывают на вражеской земле такую глубокую воронку, что в ней будет погребена вся фашистская мразь, весь мир насилия и зла», - говорилось под аплодисменты на XVIII съезде ВКП(б) перед войной.

Историки спорят: откуда надо исчислять движение к этой войне. С 1993 года - времени прихода Гитлера к власти, или с его установки на войну от 5 ноября 1937 года, или с мюнхенского договора. Споры бесконечны, и на каждый десяток аргументов всегда найдется столько же контрдоводов. Как ни важны эти и подобные им полувековые поиски, дело все же в другом. Война стала результатом господства с начала столетия тоталитаризма с его установками примата насилия над политикой. Всё переплетено и взаимосвязано. Империализм и пангерманизм Вильгельма II - крах Германии в 1918 году - несправедливый Версальский договор - реваншизм, нацизм как реакция буржуазии на рост левых сил и социализма - антикоммунизм, еще более разжигаемый сталинизмом. А потом - обратно к завоевательным программам начала века, но в новом, расширенном варианте. Звено за звеном, неразрывные г-сочленения, чертов круг европейского тоталитаризма, пресловутое вредоносное «действие-противодействие» в гонке вооружений, политике и дипломатии.

Еще один стимул войны - беспримерная всеевропейская сверх-идеологизация политики в 30-е годы. Догма завоевания господства над другими народами и мирового величия давала импульсы бессмысленному для XX столетия агрессивному динамизму Германии и её партнеров. Рассовал доктрина, возродясь с разрушительной силой, питала ненависть, воинственность, общечеловеческий раскол.

Идеи мировой революции на основе непримиримой классовой борьбы, сохранившиеся в представлениях догматиков, толкали к утопической оценке мировой обстановки, к ошибочным доктринам, стратегиям, решениям, усиливали противоборство, разобщение, обрекали на изоляцию нашу страну. На XVIII съезде ВКП(б), за пять месяцев до начала войны, Мехлис требовал в случае нападения на нас «выполнять свои интернациональные обязанности и умножить число советских республик (аплодисменты)».

Стереотипы антикоммунизма вдохновляли на сплочение сил против социализма. Повсюду - «образы врага». Опьянение собственной мощью и архаичная вера во всеилие военной силы приводили ко всемирной милитаризации политики, духа, государственных структур.

Кризис традиционной христианской идентичности привел к скорому становлению новой идеи. Культура, как и природа, не терпит пустоты. Вместо отвернувшегося от запада Бога, на первый план стали выходить люди объявлявшие себя богами, сверхлюдьми или, иначе, вождями, фюрерами, дуче и т.д. На смену христианской идее пришла идея тоталитарно-вождистская. Новые "боги", разумеется, объективно такими не были, и, как минимум, подсознательно, это понимали. Поэтому вместе с вознесением на высшую ступень властной иерархии у них возникала потребность куда-то упрятать и скрыть собственную неадекватность и несостоятельность. Другая сторона проблемы состояла в том, что, заступив на желанный пьедестал, всякий фюрер обнаруживал разрыв между реальностью и его декларациями.

Отмеченные несоответствия порождали определенную цепочку действий. Возникла суперцензура, называемая обычно идеологией. Ее цель состояла в обработке и подчинении всей циркулирующей в обществе и государстве информации официальной идее. Идеологизация действительности означает изображение ее полностью соответствующей господствующему, единственно правильному официальному мифу (например, мифу о неполноценных расах или мифу о строительстве коммунизма...). И все же разрыв между словом и делом не мог быть вполне устранен через машину идеологической цензуры. Часть общества отказывалась принимать официальную ложь. И тогда обработку информации приходилось дополнять «обработкой» самих граждан. Вслед за идеологией выросли ГУЛАГи, Бухенвальды и т.п. Абсолютизация «баллансовых сил». Насилие вот главный инструмент политики и власти (Гитлер: «Существует только сила, остальное чепуха»). «Фюрер всегда прав», «Сталин величайший гений всех времен и народов» - и т.д.

Мы долго недооценивали роль идеологических догм как истоков войны, как её мощных стимуляторов, но они были именно таковыми в 30-е годы как на Западе, так и на Востоке.

Да, главным инициатором второй мировой войны был фашизм. Но если смотреть шире, то война вырвалась из недр общественной, международной и психологической структуры, которая сложилась в Европе и Азии в первые десятилетия века из-за абсолютизации власти личностей и государства, отказа от принципов человечности.

ЯВЛЕНИЕМ всемирного масштаба стала демократизация большинства человечества в ходе войны. Народы брали судьбу в свои руки. Общественная потребность выдвигала новых лидеров, правда не везде. Качество политики стран, воевавших с агрессорами, глубоко менялось. Стихийная демократизация, рожденная включением в политическое творчество сотен миллионов, смывала слой за слоем напластования предвоенных заблуждений и догм и спасла человечество.

Чему же учит сегодня, в свете опыта послевоенных десятилетий, история возникновения второй мировой войны.

Необходимо не только фактологическое, но, прежде всего, философское осмысление второй мировой войны как феномена XX столетия. Бездуховность, окутавшая мир в эпоху наивысшей технологической цивилизации, обнаружила страшный разрыв между Разумом и Материей.

Уроки политической истории, в общем, не сложны. Главный: все действия надо сверять с общечеловеческой моралью. Её принципы сформулированы давно, более двух тысяч лет назад, но каждое поколение регулярно их нарушает, хотя постоянно и монотонно призывает учиться у истории. Лишь нравственность может стать путеводной нитью в сложнейших политических ситуациях типа 1939 года.

Война - итог сцепления бесчисленных событий, но они окрашены тонами античеловечности и антиинтеллектуализма. Плохая политика в конечном счете неизбежно мстит её создателям.

Люди должны наконец на деле осознать себя едиными. Утвердить примат общечеловеческих ценностей и абсолютный приоритет политического начала над военно-силовым - в мышлении и практике. Это еще один из главных уроков в истории возникновения прошлой войны.

Жизнь отвергла политическую малокомпетентность и доказала, сколь громаден вред, наносимый властвующей посредственностью и серостью. Чтобы сохранить власть, она хватается за догмы, навязывает свои утопии, потому что у неё нет творческого мышления. Политический тоталитаризм - источник войн. Демократия - высшая форма избавления от них и спасения.

Должны быть всеми и навсегда отброшены обветшалые традиции прошлых веков, прочно вцепившиеся в мир передовой половины нынешнего столетия. Мир становился единым уже тогда. Неприемлемы бесчестность в политике, неуважение интересов других. Негласность в принятии решений о войне и мире. Во всякой войне кто-то обречен на победу, а кто-то на поражение. Победа Сталина фактически сокрушила тоталитаризм на западе Европы, но на ее востоке произошла самоконсервация и расширение системы, избравшей для своей маскировки эффектные «революционные» символы: социализм, красное знамя, серп и молот и т.п. Плодами нашей победы, что бывает не часто, по-настоящему воспользовались не мы а запад континента. И лишь сейчас победитель начинает сознавать, как много он потерял. Итогом потрясений Второй мировой войны стал отказ от диктата «богочеловека», дорвавшегося до политической власти. Исчерпавшая себя система ценностей энергично вытеснялась. Ей на смену приходила идея свободы и демократии. С опозданием на 40-45 лет она утверждается и в бывшей восточной, теперь Центрально Европе и в бывшем СССР. Разделенная Европа вновь возвращается в единое историческое пространство.

Подведем краткий итог, «составим баланс» тоталитарной идеи. Надо признать, что некоторые плюсы присущи и тиранической власти. Стремление к всеохватности всеорганизованности, к тотальной упорядоченности и подконтрольности в некоторой мере способствовало наведению общественного порядка. Дороги, построенные в Германии во времена Третьего рейха, по сей день вызывают восторг автолюбителей. Но даже живя в довольно циничную эпоху рынка и культа денег, нельзя не признать минусы тоталитаризма по своему объему и масштабу просто несопоставимы с присущими ему плюсами.

Негативный опыт всеконтролирующей власти убеждает, что цивилизованная жизнь вне традиционных моральных норм в буквальном смысле слова невозможна. Этот тезис не есть некое проявление морализаторства, речь идет о констатации объективных фактов. Тоталитарный режим оказывается запредельно дорогостоящим проектом. Для его сохранения было необходимо поддерживать топку, в которой сжигались миллионы человеческих жизней, и, кроме того, несметные природные ресурсы. О разрушении в результате войны гражданских объектов и культурных памятников излишне говорить подробно. И, несмотря на все жертвы, тоталитаризм оказался системой абсолютно неустойчивой. Третьему рейху предсказывалось тысячелетнее существование, в Советском Союзе победа коммунизма объявлялась неизбежной и отменяющей всю прежнюю историю. В действительности, счет шел не как прежде — на многие века, но лишь на годы и десятилетия. И даже то, что создавала бесплатным трудом заключенных, оказывалось в экономическом отношении сверх дорогим, ибо в конечном счете, ведя к гибели людей, не обладало необходимым качеством, было ненадежным, требовало постоянного ремонта и доделки.

Литература

1. Рассел Б. История западной философии. Новосибирск 1999 с.680.

2. Кульков Е.Н., Мягков М.Ю., Ржешевский О.А., Война 1941-1945. Факты и документы // М.-2001.- с.37.
3. Восточная Европа между Гитлером и Сталиным 1939-1941 // М.-1999.- с367-368
4. Мягков М.Ю. Вермахт у ворот Москвы 1941-1942 // М.- Институт всеобщей истории РАН. – 1999. – с.111
5. Нападении германии на Советский Союз, 1941. Дискуссия по поводу тезиса о превентивной войне // Дармштаут. – 1998. – с.181.
6. Чубайс И.Б. Россия и Европа: идейно-идентификационный анализ // Вопросы философии 2002. -№10. – с.39-43.